

словообразования могут быть отражением отношений производности в лексико-семантической парадигме исходного слова. К примерам такого рода относятся альтернативные парадигмы глаголов II степени мотивированности взмутить, возмутить и последующих в словообразовательных цепях: мутный – мутить – взмутить – взмучивать – взмучиваться (далее СЦ-1) и мутный – мутить – возмутить – возмущать – возмущаться (СЦ-2). В первой цепи производные опираются на прямое значение исходного слова мутный «непрозрачный, нечистый от засорения, смешения с чем-либо (о жидкости)». Соответственно, мутить означает «делать мутным», взмутить означает «приводя в движение, взбалтывая, сделать мутным (воду, жидкость)». Во второй цепи производные опираются на переносное значение исходного слова мутный «неясно тревожный, беспокойный». Соответственно мутить предстает здесь также в переносном значении «тревожить»; «вызывать беспокойство, несогласие, недовольство», а возмутить означает «вызвать недовольство, гнев, привести в негодование». Альтернативные парадигмы исходного слова и непосредственно мотивирующего в обеих цепях идентичны.

В глаголе взмутить альтернативная парадигма, совпадающая в основе своей с парадигмой глагола «мутить», расширяется за счет страдательного причастия прошедшего времени, где представлен алломорф му?ч' – с конечным согласным 3-ей степени чередования [по А.А. Зализняку]. Акцентная парадигма остается той же, что в глаголе «мутить», сохраняя вариативность: в формах настоящего-будущего времени наряду с постоянным ударением на флексии допускается подвижное ударение. Производные глаголы последующих ступеней взмучивать – взмучиваться содержат в альтернативной парадигме лишь один алломорф му?ч'-.

Во второй цепи в глаголе II степени словообразования возмутить устанавливается постоянное флексийное ударение, так что в формах будущего времени 2-3 лица единственного числа, 1-3 лица множественного числа допустим только безударный алломорф мут'-. В форме I лица единственного числа, в полных формах страдательного причастия прошедшего времени и в краткой форме мужского рода того же причастия реализуется алломорф муц'-.

Таким образом, в случае опоры на прямое – первичное – значение производящего в альтернативных парадигмах производных представлены алломорфы, содержащие в исходе согласный более низкой степени чередования.

В случае же опоры на переносное – производное – значение в соответствующих формах реализуются алломорфы, содержащие в исходе согласный более высокой степени чередования и, значит, более сложный, более маркированный.

Графически описанные различия между СЦ-1 и СЦ-2 выглядят так:

Ступени деривации	0	I	II	III-IV
СЦ-1	Т – т'	Т “ – ч”	Т “ – ч”	Ч'
СЦ-2	Т – т'	Т “ – ч”	Т “ – ш”	Щ

В случае редукции альтернативной парадигмы до одного члена последний становится как будто собственно словообразовательной приметой слова в целом, а не отдельных словоформ или частных парадигм. Но вместе с тем такая альтернативная парадигма является признаком определенной словоизменительной парадигмы, характеризуя словообразовательный тип и словоизменительный класс одновременно. Не менее важно, что альтернативная парадигма характеризует слово не само по себе, а как компонент словообразовательной цепи. Об этом свидетельствует динамика алломорфного варьирования в словообразовательной цепи.

Итак, соотносительность алломорфного варьирования корневой морфемы в словоизменительной парадигме со степенью словообразования безусловно существует и подчиняется определенным закономерностям, в свете которых возникают сомнения, насколько корректен традиционно принятый подход к анализу морфонологических явлений словоизменения и словообразования безотносительно друг к другу.

Литература

1. Зубкова Л.Г. Диалектика слова // Методология лингвистики и аспекты изучения русского языка. – М., 1988.

Вдовенко Т.А. (Измаил)

КЛАССИФИКАЦИЯ НАРРАТОРОВ В ПЕРЕПОРУЧЕННОМ ПОВЕСТВОВАНИИ ОТ 1-ГО ЛИЦА

Лингвостилистические и композиционные особенности перепорученного повествования обусловлены, прежде всего, модификацией повествователя, т.е. тем, кто выступает в роли рассказчика. До сих пор не существует четкой классификации нарраторов в перепорученном повествовании. Традиционно различают такие типы повествователей как: взрослый, подросток и ребенок (так называемый наивный герой). Иногда повествование поручается старику. В некоторых произведениях, представляющих перепорученное повествование, функцию нарратора может выполнять и животное, чьей точкой зрения происходит освещение событий. К произведениям с антропоморфным типом

повествователя можно отнести повесть Анны Сьюэлл «Приключения Черного Красавчика», где рассказчиком является конь, повесть Пола Гэлликко «Томасина», представленное от лица кошки, и автобиографию Корнвола Ли «Моя собака Плато», где описание происходящего осуществляется с позиции собаки.

К вышеперечисленному перечню повествователей необходимо добавить еще один тип – «необычный» рассказчик. К произведениям, написанным от лица необычного рассказчика, можно отнести роман У.Фолкнера «Шум и ярость» и произведение Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки». В первой главе произведения «Шум и ярость» повествование идет от лица слабоумного Бенджи, а в романе «Пролетая над гнездом кукушки» повествователем выступает сумасшедший. Г. Кук считает такую точку зрения необычной [1; 135]. В теории В.Шкловского подобное явление получило название «остранение» [2,75]. Перепорученное повествование, стремясь обновить остроту впечатлений, выбирает крайне неожиданного рассказчика. Так, в качестве необычного рассказчика в романе «Письма живого усопшего или послание с того света» (Э.Баркер), в качестве нарратора выступает душа умершего человека. Умерший человек общается с настоящим миром через живого человека-посредника, владеющего автоматическим письмом.

Неожиданная точка зрения на происходящее наблюдается также в произведениях, где нарраторами являются убийцы, ведущие повествование в романе А.Кристи «Убийство Роджера Акройда» и в рассказе Эдгара Аллана По «Сердце-обличитель».

К аномальным повествователям можно отнести рассказчиков с нарушенной психикой, например, человека, страдающего раздвоением личности. Примером такого произведения служит повесть Джека Лондона «До Адама», где главный герой сам утверждает, что в его раздвоенной личности соединяются два «я». С одной стороны, это современный человек, а с другой – житель первобытных лесов по имени Большой Зуб.

Перепорученное повествование постоянно модифицирует рассказчиков. Повествование может идти не только от лица человека, животного, но и даже и от лица неодушевленного предмета. Говоря о нисхождении автора, Игорь Клех [3; 102] впервые использовал термин «неантропный» (в переводе с греческого «anthropos» означает «человек») в 1999 г. для обозначения неодушевленных предметов и животных, чья точка зрения организует повествование. Примером такого повествования служит британская повесть «Гида», функция повествователя в которой передается старинной керамической вазе.

Ниже нами предлагается классификация повествователей, которая ни в коей мере не может называться окончательной и завершенной.

Антропный	Оподобный	дети	"To kill a Mockingbird" (H.Lee) "The adventures of Huckleberry Finn" (M.Twain)
		подростки	"The Catcher in the Rye" (J.Salinger)
		взрослые	"Jane Eyre" (Ch.Bronte) "The Adnatures of Sherlock Holmes" (C.Doyle)
		старика	"King Solomon's Mines" (H.R.Haggard) "Allan Quatermain" (H.R.Haggard)
	Аномальный	сумасшедший	"The Sound and the Fury" (W.Faulkner) "One flew over the Cuckoo's Nest" (K.Kesey)
		убийцы	"The Murder of Roger Ackroyd"(A.Cristie) "The Tell-Tale Heart" (E.A.Poe)
		вампиры	"New Tales of the Vampires" (A. Rice)
		раздвоение личности	"Before Adam" (J.London)
		душа умершего	"Letters from a living dead man" (E.Barker)
	Карики	антропный Неодушевленный предмет	
низшие формы			"A history of the world in 10 1/2 chapters" (J.Barnes)
неизвестная сущность			"The one who waits" (R.Bradbury)
Неодушевленный предмет		тексты «Гида»	

Такая неожиданная точка зрения рассмотренных типов нарраторов призвана создать странное впечатление.

Литература

1. Guy Cook. Discourse and Literature. Oxford University Press, 1994. -285 p.
2. Шкловский В.Б. Тетива. О несходстве сходного. – М., 1970. – 375 с.
3. Клех И. Нисхождение автора/Иностранная литература. – 1999. – № 8. – С.100-103.